

**II. МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
С ДРЕВНОСТИ ДО XXI в.: ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА**

**СЕКЦИЯ 3. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИСТОЧНИКИ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

УДК 902

Т.Н. Троицкая

**ОН БЫЛ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ АРХЕОЛОГОВ
НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ**

Рассказывается об учебе В.А. Дрёмова в Новосибирском педагогическом институте, об его участии в работах Новосибирской археологической экспедиции и о самостоятельно проведенных им археологических разведках.

Ключевые слова: В.А. Дремов, антропология.

Я хочу рассказать о той стороне жизни и деятельности Владимира Анатольевича Дремова, которую я сама наблюдала и о которой не все знают. О студенте Новосибирского пединститута и об археологе, который первым начал проводить самостоятельные археологические разведки в Новосибирской области.

Я хорошо помню Володю с 1958 г., с его поступления на первый курс НГПИ. Его годы учебы совпали с очередными трудно поддающимися логике преобразованиями в учебных планах: в Министерстве просвещения решили, что надо объединить исторические и филологические факультеты и выпускать историко-филологов, сохранив при этом программы каждой специальности. Я на первом курсе у Володи вела историю древнего мира и археологию. На семинарах и экзаменах Володя отличался большой вдумчивостью и обстоятельностью своих суждений. Он был прилежным студентом: не пропускал занятий, готовился к семинарам, но особо старательно к тем, которые, как он считал, будут ему полезны в будущем. А на четвертом курсе он решил, что один преподаватель плохо преподает свою дисциплину, и стал регулярно уходить с его лекций. Однажды он, чтобы не встретиться с лектором в коридоре, решил выпрыгнуть из окна второго этажа и свалился прямо на него.

Археологической практики тогда в институтах не было, и в экспедицию ездили только желающие. Среди них оказался и Володя Дремов. Вообще-то Володя при поступлении в институт вначале имел больше склонностей к филологии. Это было у него наследственным: его дед преподавал у нас в институте филологию, мать была литературным работником. Но вот работа в экспедиции в корне изменила его пристрастие, и он, участь в институте, стал

больше заниматься историей, конкретнее – археологией. Его первые раскопки проходили у с. Красный Яр Колыванского района на комплексе археологических памятников Красный Яр-1 и у с. Н. Шарап Ордынского района, на берегу, где мы раскапывали курганы, которые разрушались водами Новосибирского водохранилища. Все курганы были расположены на кромке берега, и поэтому надо было спешить с зачисткой осыпающихся могил, но все шло благополучно. Лишь один раз чуть-чуть не успели своевременно зачистить погребение, за которое у нас отвечал Володя. Это была богатая могила с мальчиком, с ним лежал бронзовый клевец с изображениями медведей. Мы успели зачистить захоронение и вынуть основные находки, Володя Дремов начинал зачерчивать могилу, как вдруг берег с погребением и Володей рухнул вниз. Мы успели заметить, как мелькнул еще один крупный бронзовый предмет и скрылся под грудой земли. Володя мягко опустился вместе с землей вниз. Сразу же принялись перелопачивать всю рухнувшую грудку, вынули череп, кости, а большого бронзового предмета так и не нашли.

Я сразу же обратила внимание на тщательность в работе Володи. Особенно бережно он относился к черепам, старательно их упаковывал и даже на ночь, боясь, что их кто-либо поломает, складывал отдельно близ своего «спального» места. И я поняла, что он прирожденный антрополог, а поскольку он к тому же хорошо рисовал и лепил, я вначале решила познакомиться с М.М. Герасимовым, с которым я была знакома. Я встретила в Москве с Михаилом Михайловичем и рассказала ему о Дремове. Тот заинтересовался, но сказал, что без знания анатомии ему нельзя стать антропологом. Тогда мы договорились в мединституте, чтоб Володе разрешили посещать лекции по анатомии и бывать на занятиях в анатомке. И он регулярно посещал все эти занятия. Тогда же я познакомила его с Николаем Сергеевичем Розовым, они друг другу очень понравились. И мы решили, что Володя должен поступить в аспирантуру в Томск, к Н.С. Розову.

Определенные успехи делал Володя и в археологии. У нас на факультете начал складываться археологический кружок, и Володя стал одним из первых его участников, причем самым активным. Володя прекрасно чертил и рисовал, он стал у меня первым студентом, которому я поручила делать чертежи на раскопках. Правда, он вначале все зачерчивал в половину натуральной величины, а потом переделывал чертежи. Но постепенно он переучился и стал чертить в любом заданном масштабе. Володя стал также первым студентом, который начал у нас проводить разведку. Он был первым из наших кружковцев, получившим свой Открытый лист на разведки. Ведь археологические памятники в области тогда еще не были известны (кроме того участка побережья будущего Новосибирского водохранилища, по которому прошла разведка экспедиции под руководством М.П. Грязнова). В то время наш пединститут был в Новосибирской области фактически единственной организацией, которая вела археологические исследования. Институт истории, филологии и философии СО АН открылся лишь в 1966 г., но и он на первых порах Западной Сибири не интересовался. Я одна все охватить не могла и решила привлечь к разведкам Володю. Так что он был первым археологом после М.П. Грязнова, который занимался разведками в Новосибирской об-

ласти. После окончания раскопок в течение трех сезонов он отправлялся в поход один, или с кем-то из студентов, или со школьниками. Лучшее всего шла у него работа в паре со студентом Толей Зиновьевым, у которого оказался просто охотничий нюх на памятники, но Толя в отличие от Володи совсем не умел чертить. Особенно значимой оказалась работа Володи на р. Уени. Он первым обследовал этот благодатный археологический район, открыл около двадцати памятников и произвел их первую глазомерную съемку. Некоторые памятники до сих пор представлены этими планами Дремова.

В тот период в археологическом кружке нашего пединститута начала складываться традиция работы со школьниками. Володя вел регулярные занятия кружка в своей родной школе № 10. Именно он заложил основы работы со школьниками, работы, которая позже стала одной из основных особенностей студенческого археологического кружка Новосибирского пединститута. Володя был первым, кто вывез своих учеников в экспедицию, в с. Красный Яр. Здесь вначале все было хорошо, но вот погода изменилась, и несколько дней шли непрерывные дожди. Пришлось перебираться в деревню в заброшенный дом. И тут случилась трагедия. С ребятами поехала учительница, которая не вела у них занятий и не представляла, за кем нужен особый контроль. Как выяснилось позже, мальчики достали где-то самогон, выпили его. Один из них отцепил с прикола долбленку, мокрую от дождя. Поскольку весел не было, он взял в руки шест, встал в лодку и стал отталкиваться от дна, очень скоро долбленка перевернулась. На парне были резиновые сапоги и намокшая ватная стеганка, он сразу же пошел ко дну. Было темно и холодно. Часа два мы ныряли и пытались его найти. Все было бесполезно. Пришлось возвращаться в избу, и здесь я и Володя впервые в жизни столкнулись с таким страшным явлением, как коллективная истерика. У всех поднялась температура до 38–40 градусов. Некоторые бредили. Помню, как одна девочка без устали кричала: «Уберите собаку!». К утру прибыла помощь, нашли погибшего и на автобусе отправили всех ребят в Новосибирск. Так печально завершилась поездка с детским коллективом. Я думала, что Володя больше никогда не станет связываться со школьниками, но вскоре же он собрал детей из Колывани и вместе с ними прошел разведкой от Колывани на юг.

В последний год обучения Володи Министерство просвещения ввело очередное новшество для педагогических вузов: перед окончанием обучения студенты должны были отработать в школе (в основном в сельской местности), а лишь потом заканчивали учебу, сдавали госэкзамены и получали диплом. Володе предлагали школу в районном центре, в Колывани, но он решил ехать в небольшое село Вахрушево, где мы летом раскопали курган андроновской культуры с сожжением. Володе очень хотелось получить андроновские черепа. Он организовал в школе археологический кружок и до заморозков со своими учениками вскрыл два кургана, работали ребяташки с энтузиазмом. Поскольку работы велись по моему Открытому листу, я на субботу и воскресенье со студентами-любителями археологии (чаще всего с Лидой Копытовой и Ниной Ермаковой) ездила к Володе, и мы вместе со школьниками вели раскопки. Но оба раскопанные кургана, хотя и не были

разграбленными, содержали погребения с сожжениями, черепов в них не было. Андроновский череп мы нашли уже без него, и опубликовал его Дремов.

Надо сказать, что на первом и втором курсах Володе не везло на девочек. Он был спокойный, уравновешенный, слегка полный, немного увалень, одним словом, он был тогда очень похож на Пьера Безухова. И не был «кавалером». А девочкам в этом возрасте нужен князь Болконский. Володя очень переживал это, а я его утешала, что через год-два, когда девочки задумаются о замужестве, его оценят. Так оно и было: на двух последних курсах он пользовался у студенток успехом. В экспедиции Володя подружился с Ниной Ермаковой, студенткой нашего факультета, и до конца его жизни он и она были прекрасной парой. Нина была моей первой студенткой, которая выступила с докладом в Москве на Всесоюзной студенческой археологической конференции. Этот доклад получил хорошую оценку со стороны тогда еще молодого М.Ф. Косарева. И я до сих пор сожалею, что она перестала заниматься археологией и не поступила в аспирантуру в Томске. Впрочем, это было решением Дремова, который почему-то считал, что муж и жена не должны заниматься и работать в одном учреждении.

Володя отличался исключительной принципиальностью, что навлекало на него серии неприятностей. Одна из первых произошла сразу же после его приезда в Томск. Он был комсомольцем и считал, что каждый член комсомола должен исполнять свой долг, а поскольку в Томске он учился и кроме этого ничего не делал, то он не увидел смысла своего пребывания в этой организации и подал заявление в комитет комсомола о выходе из его рядов. Поднялся шум, его уговаривали забрать заявление, ведь такие факты были исключительными, но Дремов настаивал на своем решении. Нина тогда еще училась в Новосибирске на последнем курсе. И вот она прибегает ко мне и показывает Володино письмо. Он сообщил о своем решении уйти из комсомола и о том, что его вместо аспирантуры могут послать куда-либо далеко на север, и предложил Нине не считать себя связанной с ним словом. В ответ Нина согласилась ехать с ним хоть на край света. Но дело утряслось, Володя остался в университете, в Томск к нему поехала Нина Ермакова и стала Дремовой.

Вспоминается еще один эпизод. Когда я приезжала в Томск, то всегда бывала у Дремовых. Жили они бедновато, но у них был большой и очень красивый ковер (Нинино приданое). Как-то, придя к ним, я увидела, что ковра нет, и удивилась этому. Нина мне рассказала, что Володе не дали денег на экспедицию, а без летних работ он не мыслит свою жизнь. И они решили продать ковер, чтобы можно было организовать летнюю работу.

Володя бесконечно долго завершал текст кандидатской диссертации, именно «завершал», так как в целом она была написана давно. Предзащита прошла в Москве, причем весьма успешно. Ему лишь предложили немного сократить ее. А вместо сокращения он решил переделать ее, в результате чего текст снова увеличился. И это стало хроническим явлением. Он каждый раз соглашался убрать что-либо из своего непомерно широкого по хронологическому размаху текста, но потом находил что-то новое и интересное,

и снова текст разбухал. Откровенно говоря, я даже не надеялась, что он найдет в себе силу воли ограничить себя и подать диссертацию на защиту. Но в конце концов это произошло.

Володя был очень требователен и к себе (потому так долго писал диссертацию), и к людям. У него было весьма своеобразное отношение к окружающим. Он не знал середины и совсем не признавал полутонов. К одним он навсегда и преданно привязывался, признавал их достоинства. Так, он очень любил своего учителя Николая Сергеевича Розова, своего ученика Аркадия Кима и некоторых других. Но тех людей, чьи принципиальные взгляды на жизнь отличались от его представлений, он просто не признавал, причем среди этих людей были и весьма достойные (с моей точки зрения). Он не совершал против них каких-либо действий, работал с ними, но не скрывал своего отношения к ним. Это очень осложняло его жизнь. Я с ним много разговаривала об этом, но переубедить его, заставить понять, что кроме его взглядов могут существовать и иные, было невозможно.

Володя умер достаточно рано: отказало сердце. Ему было около пятидесяти лет, он был полон сил и творческой энергии. Володя – мой первый ученик, нашедший себя в науке, и этим он был мне особенно дорог. Я вот перечитала написанное и увидела, что постоянно называю его просто Володей, а не Владимиром Анатольевичем, которым он стал в последнее время. Дело в том, что я очень хорошо знала как раз Володю, своего студента, а не Владимира Анатольевича. Он для меня навсегда оставался именно Володей, моим учеником, с которым мы вместе делали первые шаги в археологии Новосибирского Приобья.